

— Накадзима сегодня сам не свой? — звукорежиссёр, не снимая наушников, нахмурился и прислушался к записи.

Каваками Харуто заметно напрягся:

— Что-то не так?

— Сам послушай, — звукорежиссёр вывел звук на внешние мониторы и начал комментировать по ходу воспроизведения: — Вот здесь нужно было взять выше... тут не хватило мягкости... а концовку смазал, не дотянул.

Когда песня доиграла до конца, он повернулся к Харуто:

— Видишь? Состояние у него никудышное.

Ассистент поспешно закивал, соглашаясь.

Линь Цзэ, только что вышедший из студии звукозаписи, про себя лишь усмехнулся. Харуто в музыке смыслил не больше бревна. Звукорежиссёр что, принял его за Нисимото Соноко?

Сестра Нисимото обладала феноменальным чутьём. Попробуй её обмануть — мигом раскусит любую фальшь. У каждого топового агента есть свой козырь, и её даром была эта запредельная чуткость. Она безошибочно определяла, в каком направлении развивать артиста, какая песня «выстрелит», а какая западёт людям в самые души. К тому же её вкус в вопросах моды был безупречен. Впрочем, стиль — дело наживное, а вот для индустрии развлечений её интуиция была поистине бесценным инструментом.

Звукорежиссёр, быстро сообразив, что метать бисер перед Харуто бесполезно, переключил огонь на самого виновника.

— Накадзима, что с тобой сегодня? Ты вообще знал, что у нас запись? Почему не подготовился? Если не можешь петь — так и скажи. Лучше перенести смену, чем впустую тратить время! — Звукорежиссёр негодовал.

— Я говорил госпоже Нисимото, но... — Линь Цзэ виновато улыбнулся и чуть повысил голос, чтобы все присутствующие его слышали: — Видимо, сказываются последствия того случая на радио. С тех пор я никак не могу прийти в норму.

Линь Цзэ не лгал. Накадзима Хаятэ действительно был до смерти напуган безумным фанатом. А поскольку Нисимото Соноко так и не раскрыла ему всей правды, парень по глупости решил, что это и впрямь был его поклонник. Мысль о том, что новые песни привлекут ещё больше таких ненормальных, вызывала у него подсознательное отторжение.

— Ты про ту пятничную историю? Да, паскудное дело, — звукорежиссёр нахмурился. Слухи до него уже дошли, так что гнев сменился милостью. — Что с альбомом? Релиз отложат?

— Не знаю, — покачал головой Линь Цзэ.

Хотя это был его альбом, последнее слово оставалось не за ним, а за агентом. Если Соноко сочтёт задержку необходимой, компания прислушается к её мнению.

Звукорежиссёр перевёл взгляд на Харуто, но тот лишь развёл руками. Будучи помощником, он не был посвящён в стратегические планы начальницы.

— Ладно, иди в акустическую кабину ещё раз, — буркнул мастер. — Сделаем дубль, я дам его послушать госпоже Нисимото, а там пусть сама решает.

— Хорошо, — покорно согласился Линь Цзэ.

Второй заход завершился быстро.

Понимая, что Накадзима сейчас в «разобранном» состоянии и мгновенного прогресса ждать не стоит, звукорежиссёр не стал выжимать из него все соки и закончил работу на скорую руку. Он склонялся к тому, что выпуск альбома всё равно перенесут, а значит, придётся всё переписывать заново.

Когда смена закончилась, все облегчённо выдохнули. Проблемы с графиком релиза касались только верхушки, так что персонал быстро расслабился. Звукорежиссёр, исполнив свой профессиональный долг, тоже заметно подобрел.

Линь Цзэ последовал за Каваками Харуто на парковку.

— И как ты в таком виде собираешься выступать во вторник? — спросил Харуто, разблокировав двери. Дождавшись, пока Линь Цзэ сядет, он занял место водителя и тут же защёлкнул замки.

— Мой выход в середине программы, вряд ли на меня обратят много внимания, — нахмурившись, ответил Линь Цзэ.

Под «выступлением» Харуто имел в виду небольшое благотворительное мероприятие, запланированное на послезавтра с трёх до шести вечера. Сетка выступлений была утверждена заранее, и Соноко не могла её отменить без лишней головной боли, так что Хаятэ придётся выйти на сцену.

Машина тронулась. Остановившись на светофоре у выезда с парковки, Харуто заметил:

— Оно-то так, но лучше постарайся прийти в форму. Хоть масштаб концерта и невелик, но раз компания выставила туда Хосино Юму, значит, за кулисами могут открыться интересные перспективы.

Линь Цзэ кивнул, но с сомнением добавил:

— Сестра Нисимото обсуждала со мной этот концерт, но ничего такого не упоминала.

Харуто, лениво постукивавший по рулю, на мгновение замер. Он крепче сжал обод и ровным голосом ответил:

— Не говорила? Ну, возможно, я просто слишком мнителен. Тогда забудь, это неважно.

— В любом случае, я постараюсь выложиться на полную, — добавил Линь Цзэ. — Сегодняшнее — просто досадная случайность.

Харуто прекрасно понимал, о какой «случайности» идёт речь. Соноко была слишком опытным игроком, чтобы выжимать из артиста все соки ради сиюминутной выгоды, если только его карьера не катилась к закату.

Разговор затих. Вскоре они подъехали к дому Хаятэ.

— Позвони мне, как зайдёшь в квартиру, — бросил Харуто, не выходя из машины.

Линь Цзэ кивнул и привычно вошёл в холл, поднялся на лифте и, отперев дверь, первым делом снова запер её на все замки. Только после этого он набрал номер помощника, чтобы отчитаться.

Убедившись, что подопечный в безопасности, Харуто наконец уехал.

Линь Цзэ проводил его взглядом через монитор домофона и только тогда позволил себе расслабиться.

Раньше Харуто не был таким дотошным. Видимо, Соноко, опасаясь нового нападения, дала ему строгие инструкции.

Линь Цзэ достал из холодильника бутылку, сделал пару глотков и тут же скривился.

«Опять эта дрянь...»

В доме Хаятэ было два вида напитков: либо оздоровительное пойло от диетологов компании,

либо магазинная вода, в которую всё равно были подмешаны какие-то «полезные» компоненты.

Хаятэ любил заниматься самообманом: он переливал системные питательные растворы в обычные бутылки из-под газировки, надеясь внушить себе, что пьёт что-то вкусное. Из-за этой привычки Линь Цзэ никогда не знал заранее, что именно его ждёт в бутылке. Память тела не была всеильной, и вкусовые нюансы этого мира он осваивал опытным путём.

Сделав ещё несколько глотков через силу, Линь Цзэ отставил бутылку. Он наскоро перекусил на кухне и, наконец-то разобравшись с текущими делами, добрался до интернета.

Первым делом он проверил рейтинги самого Накадзимы Хаятэ, а затем переключился на главную звезду компании — Хосино Юму.

Юма был классическим красавцем и баловнем судьбы. Он начинал как актёр, и после трёх успешных ролей, обласканных критиками, плавно перетёк в музыкальную индустрию. С его популярностью компании было достаточно просто упаковать его в красивую обёртку — даже при посредственном вокале успех был гарантирован.

Но Юма не подвёл: он и пел отлично, а теперь всю штурмовал кинематограф. Линь Цзэ прочитал, что старший коллега даже начал посещать уроки хореографии, и невольно присвистнул. Почему между людьми такая пропасть?

Одно дело — знать факты из памяти Хаятэ, и совсем другое — видеть этот масштаб в сети.

В компании были люди и постарше, настоящие ветераны сцены, чьи имена знал каждый. Но сейчас было время Хосино Юмы, и в мире шоу-бизнеса никто не был настолько глуп, чтобы пытаться встать у него на пути.

Изучив потенциального конкурента, Линь Цзэ перешёл к программе вторичного благотворительного концерта.

Звёзд, кроме Юмы, там почти не наблюдалось, поэтому его выступление поставили в самый финал. Открывать мероприятие доверили певице, которая уже много лет держалась на плаву, оставаясь «крепким середнячком».

Такие артисты — костяк индустрии. Она не хватала звёзд с неба, но работала стабильно, не допуская новичковых ошибок. Её имя было на слуху у обывателей, и организаторы явно сделали ставку на узнаваемость и надёжность.

Линь Цзэ методично гуглил имена других артистов, окончательно встраивая знания Хаятэ в собственную память, чтобы не сесть в лужу при личной встрече.

Вечером заглянула Нисимото Соноко. Они обсудили провал в студии, и после долгих уговоров

она всё же согласилась отложить релиз альбома. Но выставила условие: следующая запись должна быть безупречной.

Линь Цзэ, зная, что через семь дней он всё равно покинет этот мир, а любые колебания «звёздности» его уже не коснутся, легко согласился на сделку.

Проводив агента, он наконец-то смог лечь спать, чтобы набраться сил перед завтрашней репетицией.

Утром Каваками Харуто снова ждал его у подъезда.

Несмотря на подозрения, Линь Цзэ не мог не оценить профессионализм ассистента. Харуто явно недолюбливал Хаятэ, но работал на совесть — не зря Соноко держала его при себе. Ещё пара лет такой школы, и он сам станет первоклассным агентом.

— Приехали. Нам сюда, — Харуто припарковал машину, привычно проверил замки и повёл Линь Цзэ через лабиринт из декораций и строительного мусора. — Сцену закончат только к вечеру, но основная площадка уже готова, так что репетиции ничто не мешает.

<http://bllate.org/book/17572/1721375>